

Летом 1942 года в Кустанай прибыли в эвакуацию четыре вагона с музеиными ценностями, в том числе якобы из... Вологды. Но реальное спасение раритетов вологодских музеев в годы Великой Отечественной войны, к которому пришлось подключиться даже чекистам, куда драматичнее.

Автор: АЛЕКСЕЙ КУДРЯШОВ

9 мая 2020 года в блоге Государственного исторического музея (blog.mediashm.ru) появилось исследование Ирины Белозёровой «Государственный исторический музей в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.».

Повествуя о Кустанайском хранилище в северном Казахстане, куда эвакуировали ценности со всей страны, автор сообщает: «Летом 1942 г. в Кустанай было направлено четыре вагона музеиных ценностей из некоторых городов, захваченных немцами (Новгорода, Пскова, Вологды и др.), которые несколько месяцев скитались по железной дороге».

Оставим на совести автора «оккупированную Вологду», до которой, как известно, фашисты не добрались, и сразу подчеркнём: на самом деле ни одной реликвии из нашего города в этих вагонах не было. Как же в действительности пережили войну раритеты вологодских музеев?

«ИЗ ПОМЕЩЕНИЯ МУЗЕЯ НА ЛЕСТИЦУ ВЫБРОШЕНЫ ЦЕННЫЕ ЭКСПОНАТЫ. В ИОСИФОВСКОМ КОРПУСЕ ПРИЧИНЕН УЩЕРБ НЕСКОЛЬКИМ ЗАЛАМ...»

СМЕНА «ОРИЕНТАЦИИ»

Активное наступление фашистской Германии летом 1941 года заставило даже в тылу предпринять все меры к сохранению народных богатств, частью которых были сокровища музеев.

С 9 ноября 1941 года в Вологде была приостановлена работа Дома-музея И.В.Сталина (ныне музей «Вологодская ссылка»). Бюро Вологодского обкома ВКП(б) решило временно разместить там детскую библиотеку № 5, «упаковав все имеющиеся ценные экспонаты, организовав их надёжную охрану».

Спасённые сокровища



Вид на Софийский собор, занятый музеем, в начале 1950-х.
Фото с сайта pastvu.com

Вологодский областной краеведческий музей, располагавшийся в Вологодском кремле и в том числе в Софийском соборе, ждало более суровое испытание.

В начале войны в Вологде была создана Центральная база снабжения Наркомата обороны (НКО), которая обеспечивала всем необходимым Ленинградский и Карельский фронты, Балтийский флот и все армии, защищавшие Ленинград с юго-востока. База подчинялась непосредственно начальнику тыла Красной Армии.

В связи с этим все крупные площади в областной столице были отданы под склады НКО. В частности, Софийский собор использовали под ветеринарный склад № 282 НКО, тому же складу вместе с санитарным складом № 281 была передана и большая часть зданий Кремля.

К счастью, самые ценные экспонаты удалось предварительно эвакуировать.

Осенью 1941 года часть собрания музея, в том числе иконы из коллекции древнерусской живописи, была отправлена в Омск и Тотьму, – рассказывает заместитель генерального директора Вологодского музея-заповедника по научной деятельности Ирина Соколова. – К концу войны всё вернулось в целости и сохранности.

Однако «вселение» в музейные помещения военных кладовщиков

скоро обернулось грандиозным скандалом.

ПОКУШЕНИЕ НА СВЯТОЕ

Достоянием общественности истории спасения музея сделался доктор исторических наук Виктор Конасов (1950–2008), разыскивавший в архиве УФСБ по Вологодской области некогда секретное спецсообщение УНКВД от 6 мая 1942 года «о нанесении ущерба архитектурному комплексу Вологодского кремля».

«При размещении складов НКО в Софийском соборе, – читаем в спецсообщении за подписью начальника УНКВД по Вологодской области Льва Галкина и одного из его заместителей, – работники ветеринарного склада углами ящиков с товарами повреждены художественные фрески работы известных ярославских мастеров Плехановых. В помещении главного корпуса сломаны все стены музея; не соблюдаются необходимые температурные условия, развивается сырость, что портит ценные экспонаты музея и разрушает само музейное здание. Из помещения музея на лестницу выброшены ценные экспонаты. В Иосифовском корпусе причинен ущерб нескольким залам...»

Работники складов НКО варварски относятся к музею и его фондам, подчёркивается в спецсообщении. «Особо этим отличаются руководители ветеринар-

МЕРЫ БЫЛИ ПРИНЯТЫ – СКЛАД ВЫСЕЛИЛИ ИЗ СОФИЙСКОГО СОБОРА, А ВСЁ ВОЕННОЕ ИМУЩЕСТВО РАЗМЕСТИЛИ В ДРУГИХ МЕСТАХ: ЧАСТЬ – В ЦЕРКВИ АНДРЕЯ ПЕРВОЗВАННОГО, ЧАСТЬ – В ДРУГИХ ПОМЕЩЕНИЯХ КРЕМЛЯ.

ного склада № 281 (начальник склада Гейвин). От Гейвина и его заместителя Горохова работники музея часто слышат: «Что ваш музей! Ерунда! Ваше барахло нам мешает».

А 16 апреля 1942 года в музей явилась комиссия в составе помощника начальника тыла Стрельцова и старшего политрука Бойко, которая заявила, что музей вообще «выселяется» из Кремля, так как допуск посторонних лиц на территорию военного объекта, каковым считаются склады, невозможен...

Чекисты делают вывод, что дальнейшее размещение складов НКО в Кремле «может привести к гибели памятника большого исторического значения и ценности».

Спецсообщение УНКВД стало фактически вызовом службе тыла, закрывавшей глаза на бесчинства. На столь мужественный поступок мог решиться только такой неординарный чекист, как Лев Фёдорович Галкин (1908–1961). Человек с высшим образованием, интеллектуал, он руководил в годы войны ставшей «классикой» радиоигрой спецоперации «Хозяин» по дезин-



Начальник Управления НКВД по Вологодской области Лев Фёдорович Галкин в годы войны не только боролся со шпионами и вёл радиоигры, но и успевал уделять внимание сохранности музеиных ценностей. Фото предоставлено УФСБ России по Вологодской области

формированию фашистов и прекрасно сознавал, что в противовес разрушению врагом храмов в том же оккупированном Новгороде нужно показать, что у нас сохранению исторических памятников придётся особое значение – даже в войну.

ПОБЕДИЛИ!

Уже 15 мая того же 1942 года Вологодский кремль посетила



Начальник «оккупированного»
Вологодский кремль склада
Шлема Львович Гейвин, возможно,
был экспертом в своём деле и
действительно много сделал для
Победы, но в отношении музея повёл
себя, мягко говоря, некорректно.
Фото с сайта 1418museum.ru

комиссия, которая подтвердила факты варварского отношения к муциальному имуществу и констатировала, что «в связи с занятием Кремля под военный склад областной центр не имеет музея, который мог бы послужить очагом активной политической и образовательной работы».

Меры были приняты – склад высыпали из Софийского собора, а всё военное имущество разместили в других местах: часть – в церкви Андрея Первозванного, часть – в других помещениях Кремля. Да, это был компромисс, подчёркивает историк Виктор Конасов, но по тем временам – настоящая победа над зарвавшимися гыловиками.

Кстати, вышеупомянутый начальник склада, майор медицинской службы Шлема Львович Гейвин не только не получил никакого взыскания, но в 1943 году был даже представлен к ордену Красной Звезды. «Коллектив склада под его руководством умело провёл работу по эвакуации имущества в новый пункт расположения», – читаем в наградном листе. Правда, Красную Звезду ему так и не вручили – ограничились орденом «Знак Почёта». Может, припомните самоуправство в Вологодском кремле?.. Впрочем, это не помешало Гейвину благополучно проработать до 1956 года и выйти в отставку в звании подполковника.

...А в сентябре 1942 года в Софийском соборе возобновились экскурсии и была открыта временная выставка, посвящённая истории побед русского оружия.

В ПОИСКАХ ЭРМИТАЖА

Часто можно услышать, что во время войны в Вологду эвакуировали часть коллекций ленинградских музеев, в том числе Эрмитажа. Однако документально это не подтверждается.

- К нам эвакуировали лишь собрания книг из одной ленинградской библиотеки, – говорит заместитель генерального директора Вологодского музея-заповедника по научной деятельности Ирина Соколова. – Насчёт Эрмитажа – это всего лишь слухи.

Но и уже одно то, что Вологде во время Великой Отечественной удалось сберечь все свои музеинные сокровища, – тоже подвиг.

С верой в людей

Наталья Аpanaщенко – особый воспитатель: её подопечные не дети, а взрослые женщины, осужденные за преступления.



Автор: НАТАЛЬЯ МЕЛЕХИНА

- Воспитательная работа очень многогранна, – говорит полковник внутренней службы Наталья Аpanaщенко, начальник отдела по воспитательной работе с осужденными регионального УФСИН. – Есть такая поговорка: воспитывать ребенка нужно, пока он помещается поперёклавки, когда вдоль – уже поздно. Я наблюдаю много примеров, когда осужденные женщины, отбыв срок, причём немалый, создали семьи, трудоустроились, ведут полноценный законопослушный образ жизни. В этом и есть результат воспитательной работы.

«ВИДЕТЬ ЧЕЛОВЕКА»

Стать офицером Наталья Александровна никогда не мечтала – все её мысли были о карьере врача. Но жизнь распорядилась иначе.

В трудные годы перестройки, когда денег не хватало, а зарплату родителям, работникам бюджетной сферы, постоянно задерживали, на семейном совете было принято решение о поступлении Натальи в ведомственное учебное заведение, поскольку более или менее стабильно в то время было в армии и полиции. После успешного окончания школы девушка поступила в вологодский филиал Рязанского института права и экономики МВД России.

По завершении обучения её распределили в вологодскую женскую колонию, тогда именовавшуюся ОЕ 256/1. Свою карьеру Наталья Аpanaщенко начинала с должности начальника отряда. Первое, чему научилась молодая сотрудница, – там, за решёткой, наказание отбывают такие же люди.

- При общении с осужденным нужно всегда видеть в нём чело-

века, а не преступника, – считает Наталья Александровна. – Когда знакомишься с личными делами, узнаёшь о совершенных преступлениях, становится страшно. У меня всегда был принцип: не читать приговор до тех пор, пока с осужденной не побеседуешь, потому что это может стать барьёром в общении, разговора не получится. Предвзятое отношение не позволит установить контакт.

Большую помощь и поддержку Наталье и другим молодым сотрудникам оказали наставники – более взрослые и опытные офицеры. Начав свою профессиональную деятельность ещё в 1960–1980 годы, они советовали, как правильно поступить, на что обратить внимание. Очень пригодились и знания, полученные в стенах вуза. Наталья Александровна с благодарностью вспоминает своего преподавателя пенитенциарной педагогики Людмилу Корюхову, на занятиях

**ЕСЛИ ИЗ 10
ОСУЖДЕННЫХ ХОТИ
БЫ ОДИН НЕ ВЕРНЁТСЯ
В МЕСТА ЛИШЕНИЯ
СВОБОДЫ – ЭТО УЖЕ
БОЛЬШОЙ УСПЕХ.
ВАЖНО НАУЧИТЬ
ЧЕЛОВЕКА ЖИТЬ
ПРАВИЛЬНО.**

ях которой студенты осваивали знания не по учебникам, а рассматривали примеры из жизни. Кроме того, все производственные практики Наталья Александровна проходила в учреждении.

СВОИ СЕКРЕТЫ

10 лет Наталья Аpanaщенко прослужила в должности начальника отряда отдела по воспитательной работе с осужденны-

ми. За эти годы перед глазами прошли сотни людей, судеб, трагедий и душевных исцелений.

Александровна. – Я как воспитатель обязана была выслушать, а им нужно было выговориться. Только потом я изучала личные дела. Но отношение к человеку уже не менялось. Только с кем-то вела себя более осторожно, кого-то, наоборот, поддерживала. Из первичной беседы складывалось впечатление о человеке: склонна ко лжи или говорит правду, уверенно себя чувствует или нужна помочь в адаптации. Исходя из этого, уже можно составить план дальнейших воспитательных мероприятий.

Наталья Александровна всегда много сил и времени вкладывала в работу – знала всех осужденных своего отряда по имени-отчеству, чем они занимались до осуждения, за что отбывают наказание. Во время длительных свиданий знакомилась с их родственниками, узнавала, как складываются семейные отношения – все это тоже помогало в процессе воспитания. Постепенно стали видны результаты работы – отряд, который изначально считался одним из худших, стал занимать лидирующие места.

НОВЫЕ ВЫСОТЫ

Успехи начальника отряда были оценены по достоинству, рост по карьерной лестнице не заставил себя ждать. Наталья Александровна была назначена заместителем начальника колонии – теперь уже ФКУ ИК-1 УФСИН России по Вологодской области, а через два года – начальником отдела по воспитательной работе с осужденными областного УФСИН.

С самого начала девушке дали не самый простой отряд – более 120 осужденных женщин со своими амбициями, сложными характерами, душевными травмами. Тогда в учреждении содержались все вместе – и осужденные впервые, и закоренелые преступницы. Найти подход к каждой, завоевать авторитет 20-летнему лейтенанту было непросто. Усложняла ситуацию скученность людей и то, что коллектив женский. В нём постоянно кипели разногласия, конфликты, сплетни. Наталья Александровне не просто приходилось во все это вникать, но и решать разнообразные вопросы, улаживать споры. Появились свои профессиональные секреты.

- В ходе беседы я никогда не делала никаких записей – это сразу же оттолкнет. Диалог всегда шёл в кабинете один на один, – делится Наталья Александровна.

Кстати, о записях: в то время компьютерной техники не было, все документы заполняли вручную, что тоже отнимало немало времени. Характеристики, журналы, дневники индивидуально-воспитательной работы – всё писалось от руки, под копирку. Допускаешь ошибку – переписываешь всё заново. Но главное было не допустить ошибки в общении.

- Нужно было расположить к себе осужденную, чтобы она почувствовала, что я не враг, что ко мне можно обратиться по любым вопросам, естественно в рамках закона, – объясняет Наталья

С повышением по службе работы только прибавилось. Несмотря на большую загруженность, у Натальи Александровны всегда остается время для семьи и родных. У неё двое сыновей, один из них, следуя примеру матери, решил реализовать себя в уголовно-исполнительной системе.

Свободные минуты Наталья Александровна посвящает чтению. Любовь к литературе ей привили родители, у которых в доме всегда было множество книг. Важное место в семье занимает спорт. Оба сына профессионально занимаются хоккеем. Когда есть возможность, родители всегда посещают турниры и чемпионаты с их участием.

...В заключение нашего разговора Наталья Александровна поразмышиляла о том, какую роль сыграла она лично в судьбах оступившихся людей:

– Конечно, есть и те, кого исправить трудно – легкие деньги, наркотики возвращают их в места лишения свободы. Но если из десяти осужденных хотя бы один не вернётся – это уже большой успех. Важно научить человека жить правильно, совершать достойные поступки, отказаться от того образа жизни, который привел к совершению преступления. В этом и состоит главная цель воспитательной работы.